

DOI: 10.31857/S032150750021997-8

Меньшинства в современном Иране: стратегии «борьбы за идентичность»

© Богачева А.С.^а, 2023

^а ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0556-67198; bogacheva.ans@imemo.ru

Резюме. Статья посвящена феномену политизации идентичностей меньшинств в Исламской Республике Иран. Иранское общество рассматривается как пример многосоставного фрагментированного восточного общества, характеризующегося единовременным сочетанием широкого спектра различных социальных размежеваний: от фундаментальных (мы – они; свои – другие – чужие) до многочисленных языковых, этнических, религиозных и конфессиональных разломов. Анализ процессов социальной динамики проводится через призму категории идентичности. Применяется подход, основанный на расширенном толковании концепта разделенных обществ как категории политического анализа.

Различные ракурсы проблемы меньшинств исследуются посредством осмысления политизации социальных размежеваний, задаваемых политической системой Ирана; путем оценки потенциала превращения этих размежеваний в ресурс конкурентной борьбы политических проектов; путем оценки их общего дестабилизирующего потенциала. Также оценивается взаимовлияние официальной общегосударственной политики идентичности, политик идентичности, реализуемых внутри миноритарных сообществ местными элитами и активистами; анализируются стратегии и практики, применяемые представителями меньшинств для защиты собственных интересов и отстаивания своего права на идентичность.

Ключевые слова: Иран, меньшинства, политизация идентичности, политика идентичности, этническая, религиозная и конфессиональная идентичность, конфликт идентичностей, разделенные общества

Для цитирования: Богачева А.С. Меньшинства в современном Иране: стратегии «борьбы за идентичность». *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 4. С. 45–53. DOI: 10.31857/S032150750021997-8

Minorities in Modern Iran: Strategies of “Identity Struggle”

Anastasia S. Bogacheva^а, 2023

^а IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0556-67198; bogacheva.ans@imemo.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of the politicization of minority identities, the features and foundations of these processes in Iran. Iran is an example of a multi-component divided society that combines a wide range of different divisions. The development of Iranian society after the Islamic revolution characterizes by the set of processes of social dynamics. To assess them, an approach based on an extended interpretation of the concept of divided societies as a category of political analysis is used. The minority problem is studied from a perspective focused on understanding the practice of politicization of social divisions set by the “Islamic political system”; understanding their destabilizing potential; assessing the potential of turning these divisions into a resource for competitive struggle of political projects in the country. The current situation of ethnic, religious and confessional minorities in Iran is described by considering the context of the official identity politics implemented since 1979 and the identity politics implemented by the elites of the minority communities who are most active in upholding their “right to otherness”. The author analyses strategies and practices used by minorities to promote their interests and identities with the official Iranian national civil macro-identity and with the current conservative discourse.

Keywords: Iran, minorities, politicization of identity, identity politics, ethnic, religious and confessional identity, identity conflict, divided societies

For citation: Bogacheva A.S. Minorities in Modern Iran: Strategies of “Identity Struggle”. *Asia and Africa today*. 2023. № 4. Pp. 45–53. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021997-8

ВВЕДЕНИЕ

Категория идентичности успешно применяется не только западными [1], но также российскими [2; 3] и иранскими исследователями [4; 5] для анализа трансформаций, происходящих в социально-политическом и социально-культурном пространствах современных обществ; измерения уровня социальной конфликтности, особенностей конструирования мобилизационных смыслов и идеологических конструкций, управления культурным разнообразием. В статье рассматриваются основные дискурсы и практики политики идентичности, характерные для основных с точки зрения их мобилизационного потенциала этнических и религиозных меньшинств Исламской Республики Иран (ИРИ). Положение меньшинств обусловлено особенностями уникального политического режима, совмещающего в себе теократические, демократические и авторитарные характеристики. ИРИ – пример современного многосоставного восточного общества, где проживает более 40 различных народов, многие из которых, даже признавая себя частью иранской нации в самом широком смысле, трепетно относятся к сохранению собственных племенных, этнических, культурных, языковых, религиозных и конфессиональных идентичностей.

Смешанная (многосубъектная) модель политики идентичности, реализуемая руководством, не полностью удовлетворяет интересы местных миноритарных элит, побуждает меньшинства к борьбе за свои права, собственную идентичность [1; 4]. Актуальные проблемы меньшинств в Иране активно исследуются в отечественной иранистике [6; 7; 8].

ПОЛИТИЗАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ МЕНЬШИНСТВ

В социальных науках под «меньшинствами» принято понимать социально значимые группы, отличающиеся от доминирующего большинства по национальности, религиозным, этническим, гендерным, расовым и прочим признакам¹. На основании своей отличности представители меньшинств могут подвергаться дискриминации и временами вынуждены мобилизовываться для отстаивания прав на самоидентификацию [9].

Миноритарная групповая идентичность основывается на комплексе сознательных и бессознательных представлений о своей физической, поведенческой или статусной инаковости. Для неё характерны частные видовые проявления в социально-ролевом (гендерная идентичность), политическом (национальная идентичность), социокультурном (религиозная, конфессиональная, этническая и языковая идентичности) измерениях. Каждый индивид проявляет себя в разных социокультурных пространствах как обладатель определенного пола, национальности, этничности, религии, гражданства, профессии – как носитель разных идентичностей.

Набор символических установок, определяющих идентификационные особенности «меньшинства» включает: чувство дискриминации или подчиненности большинству, неодобрение доминирующей группой каких-либо «миноритарных» отличий; ощущение коллективной судьбы, общности целей, ценностей, настроений, представлений о внутригрупповых правилах и критериях принадлежности к группе [10]; чувство социальной вовлеченности внутри группы [11]; общее стремление к защите или отстаиванию членами группы своих прав. На их основании происходит оформление групповых границ, легитимация правил и норм внутри миноритарных сообществ, формируются конкретные символические ритуалы. Более того, в случае складывания особых обстоятельств (социального действия) [12] эти установки актуализируют среди меньшинств определенные эмоциональные реакции на факт принадлежности к «своим».

Мобилизационный потенциал групп меньшинств обуславливает их политическую значимость. В ситуации неудовлетворенности представителей того или иного меньшинства своим статусом или проводимой в отношении них государственной политикой или массовых протестных выступлений выбор может совершаться в пользу «энергизирующей» [13] агрессивной идеологии. Которая либо стихийно формируется сама собой в широких массах курдов, белуджей, представителей религиозных или сексуаль-

¹ Вирт Л. Избранные работы по социологии. Сборник переводов. М., 2005. С. 146–147.

ных меньшинств; либо целенаправленно разрабатывается группами идеологов внутри конкретной миноритарной группы; либо формируется внешними по отношению к тому или иному меньшинству внутригосударственными, региональными или глобальными акторами и затем внедряется в массовое сознание его представителей извне. Во втором и третьем случае можно говорить о политике идентичности в том её понимании, когда в качестве субъектов выступают группы интересов, объединяющиеся на аскриптивных или/и идейных, мировоззренческих основаниях [14].

Не случайно в зарубежном научном и политическом дискурсах политика идентичности² традиционно ассоциируется с борьбой за признание интересов социально ущемленных групп, отстаивающих «право на идентичность». В англоязычной литературе понятие «*identity politics*» широко используется для описания отстаивания ущемленными в социальном статусе меньшинствами и группами (расовыми, этническими, конфессиональными, гендерными и др.) права на общественное признание и легитимность именно в качестве носителей определенной идентичности, значимой для их консолидации как участников политического процесса [15].

В литературе на персидском языке «*sīāsāt-e hoviyyat*» – применительно к группам меньшинств – означает деятельность субъектов политического процесса, направленную на поддержание идентичности той или иной притесняемой, но социально значимой группы, формирование внутри неё общих представлений о «нас» не только как о части иранской нации, исламской уммы, но и как о представителях конкретного этноса, религиозного или сексуального меньшинства, интересы которых могут проецироваться в сферу публичной политики [16].

ОСНОВНЫЕ ДИСКУРСЫ ИНАКОВОСТИ В ИРАНЕ

«Другие» в Исламской Республике

После революции 1978–1979 гг. в стране постепенно оформился клерикальный режим, в основу которого была положена неошиитская идеология. Была поставлена цель по формированию идентичности на базе древней истории, исламских традиций и национализма.

Ключевой в рамках официального политического дискурса стала идея о «народном» характере революции, стремлении иранского общества к построению государства, основанного на исламских нормах [17]. Каждый гражданин ИРИ стал носителем уникального нарратива национальной общегражданской макроидентичности. Важную роль в формировании этого нарратива сыграло конструирование отвечающих интересам Исламской Республики образов «свой – чужой», категорий «я – мы – они» и «другие», контуры которых были заданы юридически.

В концепции новой общегражданской идентичности категория «мы» тождественна мусульманскому народу Ирана, совмещает национальную самоидентификацию с религиозной (конфессиональной), раскрывается в преамбуле и первых разделах конституции ИРИ. Новая конституция подменила идею «национального сообщества», реализовывавшуюся при Пехлеви, термином «религиозная община» [18]. Такие разделы как: «Заря народного движения», «Гнев народа», «Цена, которую заплатил народ», включенные в текст конституции с 1979 г., посвящены вкладу каждого индивида, сделавшего выбор в пользу общегражданской «мы»-категории, в общее дело построения общества исламского народовластия и справедливости. Принципы «общности» мусульманской уммы [8] и исламских народов (ст. 11, 12) были положены в основу национальной политики страны. В Конституции закреплён принцип народного суверенитета (ст. 56), однако также постулируется и то, что абсолютная власть над миром и человеком принадлежит Богу.

Образы «других» (как установки в индивидуальном сознании, задающие границы общей идентичности) целенаправленно формировались в Исламской Республике посредством информационной политики, проводившейся в рамках «исламской культурной революции», трансформации политической, экономической и образовательной систем по исламской модели [19].

² В российской политологии под политикой идентичности, как правило, понимается деятельность субъектов политического процесса по формированию и поддержанию национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм микрополитической идентичности (прим. авт.).

В рамках актуальной модели общегражданской макроидентичности роль «других» отводится тем, кто остался на стыке новых (исламско-республиканских) культурного, социального, политического контекстов с контекстами прежней (дореволюционной) или новой эмигрантской иранской реальности – светской и/или получившей образование на Западе интеллигенции, некоторым группам религиозных, конфессиональных, этнических и гендерных меньшинств.

Положение этих групп в обществе, их конфликтный потенциал и их политическая значимость в разные периоды истории Исламской Республики изменялись в зависимости от того, по какой модели реализовывался «образ другого».

Толерантная модель политической идентичности (я – другой – иной), реализуемая применительно к официально признанным в ИРИ меньшинствам, допускает для них идентитарную свободу, учитывает конкретные конфессиональные и религиозные миноритарные идентичности в проекте общегражданской, общенациональной. В случае же реализации *интолерантной модели* (я – другой – чужой – враг) государством применяются различные практики подавления миноритарных идентичностей, активизма отдельных представителей или групп меньшинств.

Сложноподчиненное многообразие: этнические меньшинства и этничность

ИРИ – полиэтническое государство, основной этнической группой в котором считаются персы. Помимо них в стране проживает около 15 крупных этнических групп (азербайджанцы, арабы, армяне, бахтияры, белуджи, гиляки, кашкайцы, курды, лаки, луры, мазандаранцы, талыши, тати, туркмены, чайрамаки), имеющих полуофициальный статус национальных [1; 4] и/или этнических меньшинств. Неоднозначность их положения как «этнических меньшинств» выражается в том, что в персидском языке отсутствует специальный термин для обозначения этничности и этнического, а также в том, что параметр «этнической принадлежности» не учитывался ни в одной из 6 переписей населения, официально проводившихся в Иране после 1979 г.

Так, «этничность» (перс. «*qowmiyyat*»), образуется от основы «*qowm*»³, употребляющейся в значениях: народность; племя; группа, включающая женщин и мужчин; секта; род; родственник и т.д. Установить, какая из перечисленных дефиниций используется в конкретном контексте, возможно не всегда по причине наложения или дублирования смыслов. В научно-исследовательском сообществе за «*qowm*», наряду с традиционными значениями – семья, клан, сообщество, языковая группа, постепенно закрепились коннотации «народ», «миноритарная община», «этническая группа».

Отказ руководства ИРИ от параметра этнической принадлежности в национальных переписях привел к отсутствию в свободном доступе точных данных, касающихся численности представителей отдельных групп меньшинств. И хотя в целом негативное отношение Тегерана к «национальному» вопросу имеет исторические основания, отсутствие официальной этнической статистики привело к искажению доступных данных, их распространению посредством размещения в открытом доступе на сайтах международных организаций (*The Unrepresented Nations and Peoples Organization, UNPO*); *World Directory of Minorities and Indigenous Peoples*), на сайтах организаций, находящихся в ведении недружественных ИРИ стран (*CIA*), формированию на их основе карт, таблиц и т.п., лишь приблизительно отражающих действительность. Нередко измененные данные используются политиками или «этническими» активистами для отстаивания (или, напротив, дискредитации) политического или культурного значения той или иной миноритарной группы. Дабы нивелировать эти моменты в практике изучения проблемы народонаселения Ирана, принято деление населения на 3 основные группы по языковому признаку: ираноязычную (более 67% населения), арабоязычную (29%) и тюркоязычную (4%).

Для этнических групп в ИРИ характерна сложносоставная идентичность. В рамках неё, не исключая друг друга, совмещаются этническая, племенная, религиозная, национальная, гражданская идентичности. Не случайно один из ведущих иранских социологов Сикандер Аманолахи отмечал готовность представителей этнических меньшинств относить себя к «иранцам», принимая легендарное прошлое великих персидских империй, иранскую культуру и персидский язык как свои собственные [20].

³ Dekhoda Dictionary. Dekhoda Lexicon Institute & International Center for Persian Studies. (In Pers.). <https://dehkhoda.ut.ac.ir/en/dictionary> (assessed 06.06.2022)

Из-за этого наделение этнической идентичности политическими функциями в современном Иране имеет ограниченный характер. Среди перечисленных этнических групп, полностью политизированными можно считать идентичности этнических персов, азербайджанцев, армян, луров, арабов, курдов и белуджей. Они имеют политическое представительство⁴, отстаивают интересы в правовой, административной и институциональной сферах.

Политизация этничности данных сообществ осуществлялась главным образом по дискурсивной модели, выражается в формировании и поддержании популярности этнических смыслов широкого спектра коммуникационных явлений (от индивидуальной и социальной памяти до локальных социально-культурных институтов) внутри курдского, белуджского, арабского и азербайджанского сообществ. Формирование этнических смыслов происходило посредством их формулирования этническими активистами или элитами, представители которых проживают не только в Иране, но и за его пределами. Эти смыслы касаются реализации конкретным сообществом права на «этнический оттенок» местного искусства, образования, литературы и СМИ на национальном языке, собственных мифологии, философии и истории, политическое представительство, а также того, в какой мере это право реализуется, и того, насколько реализация отвечает ожиданиям и запросам членов группы.

Пределы шиитской исключительности: религиозные и конфессиональные меньшинства

Одним из стимулов, определивших особенности иранского культурного самосознания [21] и сформировавших цивилизационную (ирано-арийскую) и национальную (иранскую) идентичности является распространение внутри «иранского мира» идеи о единственности Бога.

Приверженность монотеизму, сначала «дуалистическому» в период зороастризма [22], а затем классическому после распространения в Иране ислама, имела высокую социальную значимость как в публичном пространстве, так и в его экзистенциальной проекции. Зороастризм, иудаизм, христианство и ислам на протяжении многих веков остаются неотъемлемыми составляющими культурно-ценностной матрицы Ирана как «государства – цивилизации».

Однако в формировании современного образа гражданской макроидентичности Исламской Республики ключевую роль сыграла именно исламская-шиитская идентичность. По Конституции официальная религия ИРИ – ислам джафаритского толка; также признаны ханафитский, шафиитский, маликитский, ханбалитский и зейдитский мазхабы ислама. Де-юре приверженцы этих мазхабов имеют в ИРИ статус исламских конфессиональных меньшинств.

Официальными религиозными меньшинствами конституцией признаются последователи иудаизма, христианства и зороастризма (ст. 13). Они могут проводить свои религиозные обряды, поступать в гражданских делах и сфере религиозного воспитания согласно своим учениям. Зороастрийская и иудейская общины имеют представительство в парламенте (ст. 67). Признанным религиозным и конфессиональным меньшинствам гарантированы все основные гражданские свободы при условии, что их представители не станут нарушать принципы независимости, свободы, национального единства и исламский закон (ст. 26).

Согласно последней переписи населения, мусульманами являются 99,6% населения ИРИ, о приверженности христианству, иудаизму и зороастризму заявило менее 1% населения, о приверженности прочим религиозным верованиям – 0,05%. Не дали ответа на вопрос о вероисповедании всего 0,15% населения⁵. Часть населения принадлежит к запрещенным или ограниченным в правах религиозным течениям и сектам. Религиозные меньшинства представлены последователями бахаизма, суфизма, язданизма (секта «Ахл-е Хакк»), езидизма, бабизма, мандеизма, буддизма, сикхизма, индуизма и раэлизма. Их положение, степень участия в политических процессах изменялась в зависимости от готовности лидеров конкретных общин сотрудничать с руководством ИРИ и подстраиваться под принципы «исламского правления». Актуальные конституционные ограничения затронули такие общины, как бахаи, яросан, некоторые суфийские братства. Они были запрещены, несмотря на их исламскую, шиитскую

⁴ См.: To What Ethnicity and Province Do Majority of Iranian Officials Belong? RASANA. Arabian Gulf Centre for Iranian Studies. 2017. 32 p.

⁵ Statistical Yearbook 2020-2021. Iran Statistical Center. (In Pers.). https://amar.org.ir/Portals/0/News/1400/991.pdf?ver=gxIyQuUEvWy3_A6meyz5VQ%3d%3d (accessed 16.06.2022)

природу. Непризнанные религиозные меньшинства сталкиваются с препятствиями в получении высшего образования и работы в государственном секторе⁶.

Также не в полной мере обеспечиваются права суннитов, последователей ханафитского (белуджи, некоторые арабские племена) и шафиитского (курды) мазхабов и «разрешенных» неисламских меньшинств. Например, не приветствуется переход из шиизма в суннизм, поддерживается напряжение между народами, придерживающимися разных направлений ислама [23], ограничено число суннитских мечетей [6]. Несмотря на то, что ислам в условиях этнической гетерогенности и относительной конфессиональной однородности выступает консолидирующим «иранскую нацию» фактором, государственные инициативы по поддержанию «исламского единства» или «сближению мазхабов» не приносят практических результатов. Конституционные права неисламских меньшинств определяются критериями соответствия исламскому праву. Так, немусульманам запрещается наследовать имущество мусульман (ст. 881)⁷, требовать исполнения «кисас» (возмездие натурой) и «дие» (денежная компенсация) в случае убийства родственника (ст. 310)⁸.

В соответствии с законом от 16 января 2021 г.⁹ в Исламский Уголовный Кодекс были добавлены ст. 499 и 500, касающиеся поддержания и защиты официального исламского дискурса. Они предусматривают штрафы, тюремное заключение за оскорбление мусульман и представителей меньшинств, манипуляции общественным сознанием и др., тем самым еще больше ограничивая самовыражение религиозных, конфессиональных меньшинств, т.к. запрещают любую активность, «усиливающую напряженность в обществе», миссионерскую деятельность, неисламское религиозное образование.

СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ «БОРЬБЫ ЗА ИДЕНТИЧНОСТЬ»

Все вышеописанные меньшинства на текущем этапе общественного развития Ирана обладают значительным мобилизационным потенциалом. Их активизм обуславливается неудовлетворенностью представителей этнических, религиозных, конфессиональных и гендерных меньшинств уровнем жизни, нерешенностью ряда социально-экономических проблем, проводимой руководством ИРИ политической идентичности, не учитывающей их потребность в поддержании собственных идентичностей.

В ряде случаев государственная политика по конструированию общегражданской идентичности сталкивается с собственной политикой идентичности отдельных миноритарных сообществ. Ценностные противоречия и различия, обусловленные спецификой становления конкретной миноритарной группы (внутренние кризисы, культурные и идентитарные трансформации) [24] становятся источником конфликта идентичностей разных уровней.

Руководство и силовые структуры Ирана, реализующие свой идентитарный проект, сталкиваются с активистами, отстаивающими собственные и общественные интересы с этнической, религиозной, конфессиональной или гендерной окраской. В этих условиях борьба меньшинств за собственную идентичность может приобретать формы массовых выступлений за «право на инаковость», антиправительственных протестов, мятежей от имени какой-либо этнической или религиозной группы, этнополитических и этнорелигиозных конфликтов, сепаратизма.

Наиболее остро проблема конфликта идентичностей в ИРИ стоит для этнических и религиозных меньшинств. В отношении них руководством Ирана наиболее часто реализуется *интолерантная модель*, где «другой» – враг, угроза национальной безопасности. Сталкиваясь с негативной стереотипизацией, представители этих групп замыкаются сами на себе [25], оказываются в оппозиции к государственной среде, ограничивающей их и задающей искусственные рамки общественной идентичности. Протест против универсализации побуждает наиболее активных членов сообществ к действиям против Исламской Республики, формированию или возрождению контрнарративов собственной идентичности

⁶ См.: <https://ohchr.org/ru/documents/country-reports/ahrc4975-situation-human-rights-islamic-republic-iran-report-special> (accessed 18.06.2022)

⁷ Civil Procedure of Iran. (In Pers.). <https://rc.majlis.ir/fa/law/show/97937> (accessed 18.06.2022)

⁸ Islamic Criminal Procedure Code. (In Pers.). <https://rc.majlis.ir/fa/law/show/845048> (accessed 20.06.2022)

⁹ Law to add two articles to the fifth book of the Islamic Criminal Procedure Code: punishments and deterrent fines. (In Pers.). <https://rc.majlis.ir/fa/law/show/1643402> (accessed 20.06.2022)

как внутри групп (в ИРИ, на уровне диаспор, религиозных течений или сект)¹⁰, так и на уровне международных организаций. Наиболее яркие примеры борьбы меньшинств за идентичность в ИРИ – курдская и белуджская проблемы, отдельные случаи арабского и азербайджанского активизма, борьба за свои права последователей бахаизма, суфизма.

Курды и белуджи – разделенные народы без государства, стремящиеся к его созданию. В условиях раздельности импульс к групповой мобилизации, проходящей под лозунгами движения к национальной автономии, как правило, исходит из условного центра общего ареала, в случае ИРИ – с сопредельных территорий Иракского Курдистана и Пакистанского Белуджистана. Реактивная политизация этнической идентичности курдского и белуджского меньшинств непосредственно в Иране обусловлена не только стремлением к территориальным изменениям и сохранению культурно-лингвистической инаковости, но и заинтересованностью местных этнических элит в расширении предоставляемой Исламской Республикой ресурсной и финансовой поддержки. Из-за этого в своей «борьбе за идентичность» курдские и белуджские элиты используют как адаптивные и приспособленческие стратегии, так и стратегии скрытой и явной конфронтации с Тегераном.

Так, например, курдские активисты, с одной стороны, продвигают в курдских СМИ идею о необходимости формирования в Иране демократического (по западной модели), равноправного гражданского общества, требуют проведения кардинальных политических реформ во внутренней и внешней политике ИРИ. Они выступают против авторитаризма и регионального гегемонизма иранского руководства. Их наиболее радикальной целью является достижение национальной автономии в рамках иранского демократического и федеративного государства, образованного в ходе свержения режима шиитского духовенства [26].

С другой стороны, в школах в курдских провинциях в начальных классах доступно изучение курдского языка, популяризируется курдская культура. Аналогично, параллельно с собственной политикой идентичности белуджского сообщества ИРИ в 2003–2012 гг. на территории ИРИ действовала белуджская радикальная исламистская организация «Джундалла», основными целями которой были улучшение качества жизни иранских белуджей и борьба за соблюдение прав суннитского меньшинства в шиитском Иране. Пик её активности пришелся на 2005–2010 гг. Одна из наиболее известных акций – вооруженное нападение на кортеж тогдашнего президента М.Ахмадинежада в ходе визита в провинцию в декабре 2005 г., когда был убит один из его телохранителей, еще несколько ранены¹¹. В 2012 г. из «Джундаллы» выделились «Джаиш аль-Адль» и «Харакат-е Ансар-е Иран» (с 2013 г. «Ансар аль-Фуркан»), также организовавшие теракты, похищения и убийства сотрудников служб безопасности и чиновников.

Ресурсом политической мобилизации арабов-ахвази и иранских азербайджанцев выступают этническая идентичность и её этнолингвистическая проекция. Дискурс этничности и символические формы её репрезентации используются арабскими и азербайджанскими активистами для выражения накопившегося в национальных провинциях недовольства экологической обстановкой и социально-экономическим положением на местах. Импульс к мобилизации хоть и поддерживается извне со стороны Саудовской Аравии, некоторых монархий Персидского залива, Азербайджана, США и Израиля, исходит непосредственно изнутри арабского и азербайджанского сообществ в ответ на такие государственные политические практики по «усмирению этничности», как изъятие земель и насильственное переселение; запрет регистрации партий и организаций, выпуска газет на арабском, азербайджанском языках; репрессии.

Важную роль в политизации этничности играют диаспоральные организации. Их деятельность направлена на привлечение внимания мировой общественности к многочисленным нарушениям прав человека в Иране, пропаганду культуры и ценностей сообществ, организацию мирных демонстраций или национальную и/или религиозную агитацию через иностранные СМИ. На территории ИРИ также действуют курдские, белуджские, арабские и азербайджанские политические партии и организации, «бьющиеся» за идентичность путем организации протестов, разовых террористических акций.

¹⁰ Например, протестные выступления сентября 2022 г., связанные со смертью Махсы Амини, родившейся в Иранском Курдистане, «раскачивались» извне через распространение фото и видео, на которых женщины по всему Ирану отрезали волосы по традиции траура у курдов, выступали против обязательного хиджаба как одного из символов «исламского правления» (прим. авт.).

¹¹ Теракты в Иране. Хронология. ИТАР-ТАСС. 07.06.2017. <http://tass.ru/info/4320784> (accessed 30.04.2022)

Для последователей бахаизма и членов местных суфийских обществ важнейшим мобилизационным основанием является подавление их религиозной и конфессиональной идентичностей. Несмотря на важную историческую роль этих сообществ в формировании иранской культуры, многие базовые для их ценностных систем положения противоречат официальному дискурсу.

Оставаясь «вне закона», члены этих сообществ в борьбе за собственную идентичность могут рассчитывать исключительно на поддержку международных правозащитных и религиозных организаций. На практике их борьба выражается в издании (при активной поддержке США и Израиля) пропагандистских материалов, освещающих такие темы, как чрезмерная жестокость иранской системы наказаний, систематические нарушения в ИРИ прав заключенных, политические аресты и убийства, несоблюдение прав меньшинств, отсутствие свободной прессы и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ради сохранения культурной самобытности иранские меньшинства прибегают к попыткам взаимодействия с правительством, а при игнорировании их интересов или подавлении со стороны государства осуществляется политизация местных миноритарных идентичностей. В условиях роста протестного потенциала формируются обстоятельства для вмешательства недружественных Ирану сил, продвигающих собственную идентитарную повестку и политические проекты, цель которых – еще бóльшая дестабилизация страны, подрыв авторитета руководства Исламской Республики под предлогом помощи притесняемым меньшинствам. Меньшинства в Иране не только являются важным субъектом государственной политики идентичности, но и реализуют собственные политики идентичности в условиях исламской политической системы и целого блока общестрановых социально-экономических и политических проблем.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Elling R.C. Minorities in Iran Nationalism and Ethnicity after Khomeini. London: Palgrave Macmillan, 2013. 267 p.
2. Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации. *Полис. Политические исследования*. 2021, № 5. С. 8–16.
Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. 2021. Cleavages and Political Divides in a Theoretical Perspective: Criteria for Assessment and Classification. *Polis. Political Studies*. № 5. Pp. 54–75. (In Russ.)
3. Кудряшова И.В., Харитонов О.Г., Хенкин С.М. Метаморфозы разделенных обществ. М.: МГИМО-Университет, 2020. 284 с.
Kudryashova I.V., Kharitonova O.G., Khenkin S.M. 2020. Metamorphoses of divided societies. Moscow. 284 p. (In Russ.)
4. Ahmadi H. Ethnicity and ethnonationalism in Iran. Tehran: Nashrani, 1999. 447. (In Pers.)
5. Ghafoor S.M. T., Zoheiri A. 2016. Identity politics and new social movements. *Political science*. № 74. P. 119–140. (In Pers.)
6. Мамедова Н.М. Культурная сложность современного иранского общества. *Труды Института востоковедения РАН*. 2019, № 26. С.116.
Mamedova N.M. 2019. The cultural complexity of contemporary Iranian society. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies RAS*. № 26. P. 116. Moscow. (In Russ.)
7. Каменева М.С. Армяне, евреи и бахаи в Иране: проблемы социально-культурного развития. *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 1. С. 25–31.
Kameneva M.S. 2020. Iranian Armenians, Jews and Bahai: Social and cultural Problems of their development. *Asia and Africa today*. № 1. Pp. 25–31. (In Russ.)
8. Раванди-Фадаи Л.М. Этно-конфессиональные проблемы в современном Иране. *Иран при М. Ахмадинежаде*. М.: ИВ РАН, 2013. С. 172.
Ravandi-Fadai L.M. 2013. Ethno-confessional problems in modern Iran. Iran under M. Ahmadinejad. P. 172. Moscow. (In Russ.)
9. Meyers B. 1984 Minority group: An ideological formulation. *Social Problems*. Vol. 32. № 1. Pp. 1–15.
10. Feagin J.R. Racial and Ethnic Relations (2nd ed.). New Jersey, 1984. Prentice-Hall. P. 10.
11. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Новая школа, 1996. С. 201–203.
Diligensky G.G. 1996. Socio-political psychology. Pp. 201–203. (In Russ.)

12. Панова О.В. Идентичность и социальное действие. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 694.
Panova O.V. 2017. Identity and social action. *Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia*. P. 694. Moscow. (In Russ.)
13. Ионин Л.Г. Восстание Меньшинств. М.: Университетская книга, 2012. С. 86.
Ionin L.G. 2012. Minority Revolt. P. 86. Moscow. (In Russ.)
14. Семенов И.С. Политика идентичности. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 648.
Semenenko I.S. 2017. Identity politics. *Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia*. P. 648. Moscow. (In Russ.)
15. Семенов И.С. Политика идентичности: меняющаяся повестка дня. *Символическая политика*. М.: ИНИОН, 2017. С. 23–24.
Semenenko I.S. 2017. Identity politics: A changing agenda. Symbolic politics. Pp. 23–24. Moscow. (In Russ.)
16. Ghafur S.M.T., Zoheiri A. 2016. Identity politics and new social movements. *Political science*. № 74. Pp. 119–140. (In Pers.)
17. Гафур С.М. Роль культуры в политической структуре современного Ирана. Идеологические процессы в Иране. М.: Садр, 2017. С. 133–134.
Gafur S.M. 2017. The role of culture in the political structure of modern Iran. Ideological processes in Iran. Moscow. Pp. 133–134. (In Russ.)
18. Раванди-Фадаи Л.М. Этнос, нация и национализм: иранский взгляд. *Нации и национализм на мусульманском Востоке*. М.: ИВ РАН, 2015. С. 202.
Ravandi-Fadai L.M. 2015. Ethnos, nation and nationalism: an Iranian perspective. Nations and nationalism in the Muslim East. P. 202. Moscow. (In Russ.)
19. Кудряшова И.В. Иран как случай исламской модернизации. *Политическая наука*. 2012, № 2. С. 107–133.
Kudryashova I.V. 2012. Iran as a case of Islamic modernization. *Political science*. № 2. Pp. 107–133. Moscow. (In Russ.)
20. Amanolahi S. 2005. A Note on Ethnicity and Ethnic Groups in Iran. *Iran and the Caucasus*. Vol. 9, № 1. Pp. 37–42.
21. Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? *Полис. Политические исследования*. 2020, № 4. С. 78–93.
Naumkin V.V. 2020. Non-Western Model: Does a State-Civilization Exist? *Polis. Political studies*, № 4. Pp. 78–93. (In Russ.)
22. Аликберов А.К. Проблемы системной классификации религий. *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*. 2018. Т. 14. № 3. С. 187.
Alikberov A.K. 2018. Problems of systemic classification of religions. *Islam in the Modern World: Domestic and International Political Aspects*. Vol. 14, № 3. P. 187. (In Russ.)
23. Abutarabi. H. Unity and cohesion, material and spiritual development of Islamic nations. Collection of materials of the conference “Festival of the best scientific works in the field of Islamic humanities”. Qom, 2017. 17 p. (In Pers.)
24. Попов М.Е. Конфликт идентичностей. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 295.
Popov M.E. 2017. Identity conflict. *Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia*. Moscow. P. 295. (In Russ.)
25. Шестопад Е.Б. Политическая психология. М: Аспект Пресс, 2018. С. 330–333.
Shestopal E.B. 2018. Political psychology. Pp. 330–333. Moscow. (In Russ.)
26. Вертяев К.В., Жигалина О.И., Иванов С.М. Политические процессы в курдских ареалах стран Западной Азии: Ираке, Турции, Сирии, Иране. М.: ИВ РАН, 2013. С. 110.
Vertyaev K.V., Zhigalina O.I., Ivanov S.M. 2013. Political processes in the Kurdish areas of Western Asia: Iraq, Turkey, Syria, Iran. P. 110. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Богачева Анастасия Сергеевна, младший научный сотрудник, Центр ближневосточных исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Anastasia S. Bogacheva, Junior Research Fellow, Center for Middle East Studies, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 14.09.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.02.2023

Принята к публикации
(Accepted) 25.03.2023